

ного при-сутствия (An-wesens) в единстве прошлого, настоящего и будущего. Исходная сущность памяти – «собранность неотпускаемого мнения обо всем том, что дает присутствовать духу» [2, с. 160]. Мнение обо всем – это весь опыт чувствования духа по отношению к осуществляющемуся [2, с. 161]. «Поскольку мы в мышлении о призывающем мыслить собраны, мы обитаем в том, что собирает всякое вос-поминание» [2, с. 163]. Хайдеггер именует собранность воспоминания на данном для мысли памятью и демонстрирует тесную смысловую взаимосвязь, зафиксированную в языке (в слове Gedans) памяти, вос-поминания, мышления, благодарности.

Состояние перехода – это прыжок, который требует удержания обеих точек: «начала» и «конца». Хайдеггер несколько раз повторяет, что мысль – это не мост, по которому можно постепенно двигаться. Однако, по моему мнению, мост – очень удачный образ. Только в рассматриваемом случае мост этот не существует в качестве материальной конструкции, раз и навсегда данного пути, но каждый раз заново возводится в акте мысли. Точкой «начала» всегда является человек в окружении конкретного предметного мира, но точкой «конца» всегда является сложноорганизованный человек многомерного пространства.

С помощью образов Хайдеггер старается сделать явленным для читателя существование нечего, которое принадлежит самому существу человека. Игнорирование этого нечего угрожает великой опасностью: не дает возможности человеку реализоваться полностью в своем существе,

ограничивает полноту его бытия. Убежденность каждого человека в существовании бытия, в присутствии присутствующего есть аргумент в пользу существования сущности, которая зовет человека к мышлению как способу реализации полноты своего бытия. Мысль как действие, совершаемое в реальном жизненном времени, объективируется не с помощью формализованного понятийного языка, а с помощью взаимосвязанных сложных образов, «изображающих»: условия мышления – зов со стороны некой сущности; сущность мышления – собрание духа; нахождение в состоянии мышления – стояние в сквозном ветре, тяга в самооттягивающееся; самооттягивающееся – то, что само по себе дано для мысли, призывающее мыслить, что мы еще не мыслим; направленность мышления – переход, саму мысль – прыжок в бездну и через бездну между точками начала и конца. Именно образный язык позволяет читателю в актах представления самому входить в точку начала мышления.

1. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 416 с.

2. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Академический Проект, 2010. 351 с.

© Варова Н. Л., 2013

УДК 17.035.1
U.D.C. 17.035.1

НЕОБХОДИМОСТЬ АЛЬТРУИЗМА

Статья посвящена изложению отдельных аспектов проблематики альтруизма. Рассматривается роль альтруизма в развитии цивилизации. Устанавливается связь альтруизма с мыслительными способностями индивида, а также с условиями становления справедливого общества. Показано, что если основания философии альтруизма внятно изложены в работах В. Соловьева, то биологическая и современная этическая точки зрения сформированы в недостаточной степени, несмотря на многочисленные попытки выстроить непротиворечивые частные модели альтруизма. Создание же релевантной общей модели альтруизма ждет своей очереди.

Ключевые слова: альтруизм, нравственность, отбор, совесть, сострадание, справедливость, этика.

А. В. Гидлевский, Т. А. Здриковская, Р. А. Зотов
A. V. Gidlevisky, T. A. Zdrikovskaya, R. A. Zotov

THE NECESSITY OF ALTRUISM

The article is devoted to the problem of altruism. It considers the role of altruism in the development of the civilisation. The authors establish the connection between altruism and individual intellectual abilities as well as the conditions of establishment of the fair society. The article shows that while the grounds of altruism philosophy are clearly expounded in the works of V. Soloviev, the biological and the contemporary ethical points of view are not sufficiently formulated in spite of numerous attempts to develop particular models of altruism. Development of a relevant general model of altruism is still to be done.

Key words: altruism, morality, selection, conscience, compassion, fairness, ethics

В данной статье мы начинаем обсуждение ряда аспектов альтруистической проблематики с рассмотрения точек зрения, которые мы назвали философскими, чтобы затем перейти к поискам биологических оснований феномена альтруизма, особо выделив биологическую необходимость альтруизма, а далее – к перспективам создания справедливого общества. Оговоримся, что общество «разумного

эгоизма» мы не рассматриваем как справедливое. Мы исследуем человеческий срез альтруизма, чтобы понять, насколько возможен гуманный облик цивилизации.

Взгляд на альтруизм как на сострадание и анализ альтруистического поведения с позиций сострадания ярко выражены в работах В. С. Соловьева. «Во всяком альтруистическом поступке действительное его основание, или про-

изводящая причина (*causa efficiens*), есть восприятие или представление чужого страдания... действительное *со-страдание*, или жалость, не может иметь своекорыстных мотивов, и есть чувство *чисто-альтруистическое*» [6]. Тем самым В. С. Соловьев фактически определяет альтруизм как основу нравственности. «Чувство сожаления о чужом страдании, нравственном или физическом, тяжело для испытывающего это чувство и, следовательно, противно его эгоизму, поскольку злой и мстительный человек находит удовольствие в оскорблении и мучении своих ближних, он наслаждается их унижением, радуется причиненному им вреду» [6]. В. С. Соловьев находит непосредственную связь между жалостью, добром, правдой, справедливостью. «Общее сознание в человечестве решительно признает, что *жалость есть добро*... мыслимое содержание (идея) жалости, или сострадания... есть правда и справедливость» [6].

Для Г. Спенсера наибольшее значение имеет динамика альтруизма, превращение его из альтруизма животного в альтруизм человеческий. Не отрицая эгоистичности общества в целом, Г. Спенсер считает альтруизм основным социальным регулятором. По его мнению, необходимо «существование такого альтруизма, который не только побуждает к справедливому поведению, но побуждает также и принуждать других к справедливым поступкам» [7, с. 439]. Показной альтруизм, по мнению Г. Спенсера, способствует эгоистам в достижении их эгоистических целей [7, с. 440].

Г. Спенсер различает два вида альтруизма: справедливость и благотворительность. «Справедливость необходима для поддержания общественного равновесия и поэтому является общественным делом. А благотворительность, которая для этого не необходима, является только частным делом» [7, с. 496]. Заметим все же, что если установлена справедливость, то благотворительность ее будет только разрушать. Если В. С. Соловьев не надеется на всеобщую альтруизацию, то Г. Спенсер в этом более утопичен. На самом же деле индивид будет поступать так, чтобы в результате получить максимальное психофизиологическое подкрепление своих действий. Эгоисты будут пакостить другим, альтруисты – жертвовать собой ради других, а «нейтральные» будут поступать в зависимости от обстоятельств. Заметим, что генетических эгоистов среди хищников и приматов около 20 %, так же как и альтруистов, а «промежуточные» особи очень быстро переучиваются в эгоистов.

Если говорить о биологических основаниях альтруизма, то стоит отметить, что феномен альтруизма стал одной из самых серьезных проблем, с которыми столкнулся Ч. Дарвин. В мире, сложившемся в результате естественного отбора, сотрудничество представляется загадкой, поскольку естественный отбор по самой своей сути эгоистичен. Тем не менее Ч. Дарвин допустил, что естественный отбор может вызвать к жизни альтруистическое поведение, если оно идет на пользу членам семьи данной особи. Ч. Дарвин также высказал мысль о возможности сотрудничества между неродственными особями. Однако для того чтобы родственный отбор мог действовать, необходим какой-то способ идентификации родственников. Главный недостаток концепции родственного отбора заключается «в относительной легкости построения разного рода недоступных

проверке гипотез, которые объясняют малопонятные типы общественных взаимодействий» [4, с. 239].

Д. Дьюсбери проводит более тонкую градацию видов альтруизма. Кроме родственного отбора и совокупной приспособленности, он рассматривает примеры взаимного (реципрокного, неродственного) альтруизма [1]. Так, например, птицы и приматы подают сигналы тревоги, которые могут способствовать выживанию вообще неродственных животных. Выработка альтруистического поведения на основе реципрокного альтруизма требует, по мнению Д. Дьюсбери, жесткой системы отбора против «обманщиков» – особей, которые извлекают пользу из действий других, но в ответ при сходных обстоятельствах таких же действий не совершают. Заметим, что современное человеческое общество также нуждается в такой системе защиты. Заметим также, что альтруисты, не оглядываясь на мнения биологов, жертвуют собой в одинаковой степени безрассудно как в отношении родственников, так и в отношении других особей.

Но все же ряд исследователей в основу альтруистического поведения помещает родственный отбор [2, с. 132–133]. О. Солбриг и Д. Солбриг также определяют альтруизм как механизм отбора родичей. «Мы видим, что некоторые черты, хотя они и губительны для своего носителя, могут, тем не менее, сохраняться отбором, если они дают достаточное преимущество родственным ему особям. Такие черты называют *альтруистическими*, а соответствующий тип отбора – *отбором родичей* (*kin selection*)» [5, с. 267]. В отличие от большинства исследователей О. и Д. Солбриг связывают реципрокный альтруизм «с развитием умственных способностей и языка, сопровождавшего эволюцию вида *Homo sapiens*» [5, с. 268]. По их мнению, реципрокный альтруизм означает, что какой-либо альтруистический акт, который может оказаться выгодным для неродственной особи, совершается в расчете на вознаграждение [5, с. 269]. Однако в действительности бывает как раз наоборот: альтруист часто жертвует в пользу неродственной особи интересами родственников.

Д. Мак-Фарленд рассматривает альтруизм с позиций индивидуальной приспособленности и расширяет классификацию видов альтруизма. «Строго говоря, эволюционное значение альтруизма можно рассматривать только в том случае, если подходить к нему с позиций индивидуальной приспособленности» [3, с. 125]. Согласно выдвинутому Д. Мак-Фарлендом «индивидуальному подходу», альтруистический акт увеличивает индивидуальную приспособленность реципиента и одновременно уменьшает индивидуальную приспособленность донора. «Естественный отбор будет благоприятствовать альтруистическому поведению при двух основных условиях: 1) если увеличение приспособленности реципиента превышает затраты донора (снижение приспособленности) на величину, большую их коэффициента родства, и 2) если затраты особи-донора на помощь особи-реципиенту невелики, и донор впоследствии сам рассчитывает на помощь реципиента» [3, с. 125].

Д. Мак-Фарленд не отрицает и концепцию группового отбора. «В данном случае утверждается, что естественный отбор благоприятствует поведению, уменьшающему приспособленность донора, если это поведение полезно

данной группе или виду в целом [3, с. 125]. По мнению Д. Мак-Фарленда, основная проблема, возникающая при объяснении альтруизма с позиций группового отбора, – это возможность мошенничества. Для того чтобы обойти эту проблему, «были предприняты различные попытки, но ни одна из них не нашла поддержки у эволюционных биологов» [3, с. 126]. Д. Мак-Фарленд, как и другие биологи, не отрицает взаимного (реципрокного) альтруизма. Однако, как и Д. Дьюсбери, он обращает внимание на возможность мошенничества при подобном взаимодействии особей. Кооперацию Д. Мак-Фарленд также связывает альтруистическим поведением [3, с. 130].

Как мы видим, у биологов отсутствует единое мнение о том, какие все же виды отбора формируют признаки альтруистического поведения.

При рассмотрении перспектив альтруизма мы обратились к статье В. Эфроимсона, которую мы считаем одной из лучших отечественных работ, раскрывающих данную проблематику [9]. В. Эфроимсон поддерживает простую и во многом верную модель. В качестве одной из причин появления альтруизма он называет заботу о потомстве. «Непрерывная охрана, непрерывное подкармливание беспомощных детей и беременных, численность которых составляла, вероятно, не меньше трети стаи, могли осуществляться только стаями в целом» [9, с. 198]. Альтруизм В. Эфроимсон связывает с групповым отбором, говоря, что «именно родственные и даже «земляческие» связи поддерживались естественным отбором, закреплялись обычаями. Истребительный обычай кровной мести, разумеется, тоже опирался на эту форму группового отбора... варварский, но относительно прогрессивный обычай, сменивший полную безнаказанность убийства и насилия» [9, с. 200].

Отличительной особенностью точки зрения на альтруизм В. Эфроимсона является понимание того факта, что мыслительные способности альтруистов должны были быть намного выше средних. Это видно из следующих его слов: «Круг инстинктов и безусловных рефлексов, необходимых для сохранения потомства, огромен. Требуется не только храбрость, но храбрость жертвенная, сильнейшее чувство товарищества, привязанность не только к своей семье, но и ко всем детенышам стаи, выработка мгновенной реакции на защиту беременных и кормящих самок. В условиях постоянных нападений хищников многие из этих рефлексов должны были срабатывать молниеносно» [9, с. 198].

Высокие мыслительные способности альтруистов, в сравнении с эгоистами, привели к появлению культуры и науки. Фактически об этом же говорит и В. Эфроимсон. «Одной из особенностей человека и человечества является любопытство и жажда знаний, обрекавшая немалое число особенно одержимых этой жаждой людей на жертвы и лишения. Эту жажду можно считать противоестественной, тем более что овладение знаниями часто не помогало, а скорее мешало их владельцам выжить и тем более оставить побольше потомства. Те, кто имел мужество идти дальше уже общепризнанного или смело думал о недозволённом, гибли во все века» [9, с. 202].

Реализация альтруистической мотивации возможна лишь при определенных условиях. Об этом говорит и В. Эфроимсон: «Выход в действие комплекса эмоций, объединя-

емых названием «совесть», да и интенсивность этих эмоций зависят от среды, воспитания, примеров. Но «такт», «приличие», «дипломатичность», «хорошие манеры», «светскость» и т. д., позволяющие, в частности, «хранить и в подлости оттенок благородства», удобны как формы ухода от требований долга» [9, с. 206]. Здесь В. Эфроимсон говорит об оружии, которое применяет эгоизм в борьбе с человечностью. Одной из главных причин общественной безнравственности является, по словам Эфроимсона, «зрелище безнаказанного, торжествующего зла в любой его форме» [9, с. 207].

В. Эфроимсон выбирает альтруизм в качестве основы для объединения человечества. «Естествознание до сих пор мало соприкасалось с проблемами этики и морали. Между тем биологические основы этики и альтруизма человека, порожденные, по-видимому, естественным отбором, и выросший на их основе целый комплекс общечеловеческих чувств и эмоций представляют собой своеобразный универсальный язык, связывающий человечество в единую семью» [9, с. 213]. Для увеличения же альтруистического потенциала общества В. Эфроимсон предлагает «уничтожение эксплуатации и порабощения человека человеком, уничтожение идеалов господства, хищничества, стяжательства, карьеризма» [9, с. 213].

Кроме альтруизма как главного «управляющего параметра» системы культуры необходимо затронуть и механизмы реализации высокого уровня развития общества. В основе эволюции систем лежит принцип сжатия информации, т. е. принцип превышения интеллектуальных возможностей более высокого уровня иерархии над любым более низким или их системой. В наиболее отчетливой форме этот принцип осуществлялся в государственном устройстве средневекового Китая, когда чиновник держал экзамен на чин, и чем выше чин, тем выше были требования к когнитивному аппарату кандидата. С другой стороны, можно привести в качестве примера несколько стран, где налицо обратная ситуация. Таким образом, прогресс культуры связан прежде всего с созданием метасистем, способных регулировать все связи в системе в направлении человеческого. Данный алгоритм организации дела делает процесс прогрессивного развития общества необратимым.

Высокий интеллект связан с нравственностью. Другими словами, совесть – это «налог» на интеллект. Сформулированный, таким образом, принцип интеллектуально-нравственного соответствия дает основания для ряда выводов. Следствием повышения интеллекта человека может явиться возможность справедливого устройства мира, чем и должен заниматься человек в силу своего предназначения. Задача общества состоит в том, чтобы создать условия для повышения интеллектуальных возможностей каждого, в результате чего стало бы возможным исполнение человеком своей главной задачи – обеспечения жизни общества на основах добра, справедливости, совести, а не лжи, подлости, лицемерия интриги и т. п. – всего того, что входит в структуру эгоизма.

Нарисованная выше перспектива разумного устройства общества едва ли может быть реализована. С точки зрения высших человеческих ценностей – добра, любви, самопожертвования, мир – это полигон зла, эгоизма природных

систем, которые постоянно пребывают в состоянии войны за ресурсы. О том, что препятствует созданию общества совести и как преодолеть эти препятствия, А. Тойнби говорит следующее: «Без наличия доброй воли в душах людей, необходимой для достижения согласия между ними, сотрудничество даже на самом низком уровне будет практически неосуществимо» [8, с. 208–209]. Однако, учитывая, что большинство членов общества – эгоисты, наличие «доброй воли», по Тойнби, представляет собой утопию.

Таким образом, проблема альтруизма, являясь камнем преткновения для биологов, психологов, философов и представителей других наук, требует своего решения, в том числе установления места понятия альтруизма в пространстве категорий этики.

1. Дьюсбери Д. Поведение животных: Сравнительные аспекты. М.: Мир, 1981. 480 с.
2. Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М.: Мир, 1974. 460 с.

УДК 130.2
U.D.C. 130.2

ПОНЯТИЕ «ГОРОД» В АСПЕКТЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

В статье осуществляется попытка дать определение понятия «город» в философско-культурном аспекте, для чего реализуется возможность описания города через «человеческое измерение» и поиск его координат в мире культуры.

Ключевые слова: город, культура, городская культура, антиномии.

Размышляя о городе, мы не испытываем никаких сложностей. Город предстает перед нашим внутренним взглядом как вполне понятный целостный образ. Но как только мы задаемся целью дать определение города, то эта интуитивная очевидность и ясность сразу же нарушается. Целостный образ разбивается на осколки, и мы, как Кай в чертогах Снежной королевы, безуспешно складывающий слово «вечность», будем так же безуспешно пытаться выложить слово «город». Нечто подобное испытывал Августин Блаженный, когда размышлял о времени. «...Что такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, несколько не затрудняясь; но коль скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик» [1].

Такое несоответствие между интуитивной очевидностью феномена города и его теоретическим описанием наглядно представлено во множестве определений. Город характеризуется как

– «крупный населенный пункт; административный, торговый, промышленный и культурный центр» [4, с. 121];

3. Мак-Фарленд Д. Поведение животных: Психобиология, этология и эволюция. М.: Мир, 1988. 520 с.

4. Меннинг О. Поведение животных. Вводный курс. М.: Мир, 1982. 360 с.

5. Солбриг О., Солбриг Д. Популяционная биология и эволюция. М.: Мир, 1982. 488 с.

6. Соловьев В. Оправдание добра. Нравственная философия // PSYLIB: психологическая библиотека «Самопознание и саморазвитие». URL: <http://www.psylib.org.ua/books/solvs01/txt03.htm>. (дата обращения: 04.09.2013).

7. Спенсер Г. Синтетическая философия. К.: Ника-Центр, 1997. 512 с.

8. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-пресс, 2003. 592 с.

9. Эфроимсон В. Родословная альтруизма // Новый мир. 1971. № 10. С. 193–213.

© Гидлевский А. В., Здриковская Т. А., Зотов Р. А., 2013

Г. В. Горнова
G. V. Gornova

THE CONCEPT “CITY” IN THE ASPECT OF THE PHILOSOPHY OF CULTURE

This article attempts to give a definition of the concept “city” in the philosophical and cultural aspect through the realization of the possibility to describe a city through the “human dimension” and the search of its coordinates in the world of culture.

Key words: city, culture, urban culture, antinomy.

– «место, приспособленное для общежития социальной группы сложного характера, внутренне дифференцированной и получившей определенную правовую форму» [2, с. 31];

– искусственно созданная, социально преобразованная, отличная от природной среда обитания людей и др.

В разных подходах: статистическом, административно-правовом, социально-экономическом, формационном, средовом – акцент в определении делается на ведущих для этих подходов дефинициях, и по отдельности эти определения не дают возможности получить представление о целостности города, о его сущности. В своих попытках описать город через «человеческое измерение», найти его координаты в мире культуры мы тоже будем вынуждены самим материалом и логикой исследования ограничиться определением города в аспекте философии культуры.

В духовном мире человека город существует как целостный феномен во всем своем многообразии. Исследование жизни человека в городе органично включается в круг философско-антропологических проблем, объеди-